

Сергей ШЕЛОВ

АЗИАТКА

(рассказ немолодого человека)

Посвящается К.Б.

Когда она попросила меня об одной научной консультации, я с ней и познакомился — по компьютерной переписке и по фотографии в ее электронном адресе. Такие фотографии я не очень-то люблю. Они угнетают глянцевой стандартностью медийных журналов, с картинками финансового процветания всех и вся, духом безмозглого оптимизма; без души и индивидуальности, они предназначены выражать всеобщий тип-топ и ОК, и «делай как я и будешь таким же успешным». Я уже думал пролистать эту фотографию, чтобы, самое вероятное, забыть ее навсегда, но в последней момент что-то меня остановило. Посмотрел внимательнее: фотопортрет даже не поясной, а только «по плечи», но все же понятно, что фигура стоит в вполоборота к зрителю, округлое, приятно улыбающееся женское лицо анфас с монголоидным разрезом глаз и с ровным рядом крепких белых зубов, как обычно, лучших, чем у европейцев, сияющие радостно-черные глаза. Всего два цвета — черный (волосы, глаза и ремень сумки на правом плече) и белый (зубы и верхняя часть легкой кофты). Да еще гладкая, определенно более желтая, чем «наша», кожа, дающая легкий фотографический отблеск на лбу и щеках. Возраст, как почти у всех азиатов — и женщин, и мужчин — неопределенно молодой. Ясно, что женщина молодая, а сколько лет, поди пойми... Допускаю, что я вдвое старше нее.

Ну и что? В самом деле, ну и что?

Я увеличил экранную фотографию и разглядел на заднем фоне, на стене «Джоконду», а справа — кучку людей, точнее, посетителей, ограниченную натянутыми между стальными столбиками музейным канатцами или просто полосками. А, вот оно что — Лувр... А вот я в Париже не был. Так о чём это я? Ах да: ну и что? Да просто она очень искренняя на этой фотографии и улыбка ее собственная, настоящая (слава Богу, не Джоконды) и не сде-

ланная по просьбе фотографа. Потом ее планы приехать и встретиться в Москве расстроились, мы не переписывались больше года, и легкая романтическая заинтересованность растворилась в обычной житейской суете. Позднее она написала мне еще раз с той же просьбой проконсультировать ее по каким-то вопросам моей специальности, и я с радостью согласился, снова с удовольствием разглядывая ту же самую компьютерную фотографию. В середине дня она пришла ко мне на работу, в старый особняк в самом центре Москвы со старой чугунной лестницей, по которой, кажется, подымался еще А.С. Пушкин (известно, что в этом доме он был). Она выглядела точно так, как и на фотографии, говорила со мной умно и весело, но с большой почтительностью и на безукоризненном русском. Я постарался ответить на все ее вопросы, дал какие-то книги, что-то пообещал выслать со временем по электронной почте. Выяснилось, что на следующий день она уже уезжает, а этот вечер у нее свободный. Я пригласил ее вечером в кино, смутно чувствуя обаяние и притяжение этой женщины из другого мира. Поскольку мы встретились только за день до ее отъезда и составлять толковую культурную программу было уже поздно, то пошли мы на документальный фильм, о содержании которого я понятия не имел и на который никогда не пошел бы с иностранкой, зная я, что меня ожидает. Мы встретились, когда у нас оставалось минут сорок до начала сеанса и, прогуливаясь по Садовому кольцу, я расспрашивал ее о семье, о работе, о ее стране. Отвечала она ясно, приветливо и откровенно, совсем без столичной спеси и стёба, и я снова удивился тому, как легко мне быть с этой маленькой и ладной иностранкой и вспомнил интернетовскую фотографию, «зацепившую» меня простой искренностью веселого взгляда. Потом в пустом зале, где вместе с нами едва набиралось человек пять-шесть, был фильм о художниках-авангардистах, сплошь уже далеко не молодых мужиках, ленинградцах и москвичах, нищих, бесприютных, аполитичных, но, конечно, гениальных или около того, не умеющих говорить без мата (положенное звуковое «пиканье» мало что скрывало) и об их отношениях с похабной советской властью, об их выставочных успехах

на Западе и в Америке. Все это было небезынтересно, но много раз déjà vu и явно нежелательно в той ситуации, в которой я оказался. И тут моя подопечная окончательно сразила меня своей реакцией и на мои замечания, и на происходящее на экране: она, эта реакция была абсолютно адекватной, заинтересованной, без тени шока или брезгливости в самых раскованных и рискованных кадрах, как будто рядом со мной сидела моя многолетняя московская знакомая, приблизительно моего возраста, помнящая и бульдозерные выставки, и даже эскапады «искусствоведа» Н.С. Хрущева... Я стал реже смотреть на экран и чаще поглядывать на мою соседку, каждый раз в киношной полутьме отмечая родинку на щеке, ближе к уголку левого глаза. Я знал, что она чувствует мой взгляд, но она не поворачивала головы, а продолжала спокойно и, казалось, с интересом смотреть фильм, что явно свидетельствовало о некоторой цельности и твердости ее натурь и человеческой зрелости..

Отвезя ее на своем стареньком жигуленке до Маяковки, рядом с которой она остановилась в не известной мне гостинице, я уже понимал: что-то произошло и я должен во что бы то ни стало увидеть ее на следующий день. Расставаясь, я предложил ей проводить ее до аэропорта, упомянув, как я думал, тяжелые чемоданы, она слабо со-противлялась, жалуясь: «Мне неудобно, я и так занимаю у Вас слишком много времени», но я настаивал, мы дружески поцеловались и расстались...

Следующим вечером мы стояли с ней рядом в гостинице (или это было около гостиницы?), где она поселилась, как оказалось, всего-то на одну ночь. Ее вещи (совсем немного) были уже собраны и ждали ее в камере хранения. Мы просто стояли рядом, напротив, близко друг к другу, но не соприкасаясь. Похоже, в какой-то момент мы почувствовали одно и то же, и она сказала... Что в точности она сказала, я сейчас мучительно пытаюсь восстановить. Это было или «Мы подходим друг к другу», или «Мы подходим друг к другу по росту» (первый вариант мне нравится больше). Именно тогда меня в первый раз накрыла волна безжалостного желания, абсолютно ясного и бесстыжего желания (поцелуй, по моей инициативе, в пустом зале кино, где мы были накануне, не в счет —

мальчишество). Потом, т.е. как раз сейчас, это наваждение приходило и приходит, нарастаю, усиливаясь и смешиваясь с тысячей других ощущений, которых тогда еще не было — с нежностью, с благодарностью, с желанием защитить, с надеждой, мучительным и в то же время смехотворным интересом узнать, а что она чувствует и чувствует ли вообще что-нибудь — кто их знает, этих женщин, а уж восточных женщин... Но тот первый момент чувственности остается.

Впрочем, я опережаю события. Собственно, за 36 часов ее пребывания в Москве после знакомства эпизодов влюблённости было два — вот этот и еще один вечером того же дня, когда я провожал ее на самолет. В буфете ее гостиницы, где она перекусила пирожным и где мы выпили кофе, я сидел рядом, иногда броя в руку ее теплую ладонь, которая мне показалась старше, чем ее лицо. Я смотрел на нее и понимал, что я влюбляюсь в ее удивительный заразительный смех, в ее оптимизм и в нее саму. Потом мы побродили по центральным улочкам Москвы, не далее двухсот метров от Тверской, посидели в маленьком скверике, неловко обнимаясь на скамейке и светло целуясь как школьники. Иногда мне казалось, что она даже откликается на прикосновения моих рук и губ, но я не мог бы, да и сейчас не могу, сказать ничего определенного. Время летело и торопило нас, и мы договорились, что я посажу ее на аэроэкспресс — поезд, следующий в Шереметьево, а в аэропорт не поеду.

В круговерть Белорусского вокзала мы приехали минут за 10-15 до отхода поезда. Прошли на перрон. Состав уже ждал нас, а двери его вагонов сами закрывались, но нажав на маленькую кнопку слева или справа от дверей, их можно было снова открыть, пройти и сесть в поезд. Мы стояли снаружи около дверей и что-то лепетали о том, как нам встретиться, живя в разных странах и на разных континентах, что нужно и что не нужно из виз, гостиниц, расписания самолетов и т.п. Объявили, что до отхода осталась, кажется, минута. Она вошла с совсем не тяжелым грузом на колесиках в вагон, двери закрылись, она осталась в тамбури, около вагонного стекла, а я — снаружи.

И здесь произошло самое-самое главное. Несколько

секунд (минут, дней, месяцев, лет?) мы смотрели друг на друга сквозь разделяющее нас стекло. Черные глаза-щелочки ее смеющегося лица испускали лучи счастья, которые проникали меня световыми рапирами прожекторов, проникали глубоко в голову, в грудь, в живот и там, изнутри, выжигали какую-то невероятную любовную татуировку. «Я счастлива, я счастлива, я счастлива, это ты, это ты, это ты, ты делаешь меня счастливой», — писали световые рапиры, и выступало железнодорожной азбукой время, сконцентрированное по обе стороны вагонного стекла все еще стоявшего поезда. Так мне казалось, может быть, без всякого основания. Не понимая, что происходит и что и зачем я делаю, я развел руки в противоположные стороны, а потом резко соединив их в кольцо, сильно прижал к себе. Она, не переставая светиться, кивнула... Только потом сам я догадался, что так я обнял ее. Поезд тронулся. Я вернулся домой и написал ей электронное письмо, когда ее самолет был еще в воздухе.